

© 2016 г.

Р.Х. СИМОНЯН, Т.М. КОЧЕГАРОВА

К 25-летию РАСПАДА СССР: БАЛТИЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В последние десятилетия в обществоведении происходит отказ от диктата “естественно-исторических” закономерностей общественных изменений в пользу утверждения принципа “социально-исторического” процесса, в котором решающую роль играют “деятельные социальные субъекты”¹. Необходимость дискурса о социальных субъектах в нашей стране исходит из критического отношения к господствующей в советский период идеологии сводить все происходящее к “объективным законам исторического развития”.

Как показывает историческая практика, марксистские “общие закономерности” зачастую отступают, а на первый план выходят случайности и политическая воля. «Я лично верю в случайность в истории, то есть в волю человека, — писал академик Д.С. Лихачев. — Поэтому такие вопросы, как “что нас ждет в будущем?” не имеют смысла. Нас ждет то, что мы сделаем сами, потому что таких законов, которые бы вели нас по строго определенному пути в истории нет»². Среди факторов распада Советского Союза чаще всего называют объективные — экономические (хозяйственный кризис), идеологические (кризис коммунистической идеи) и этнонациональные, из которых польский журналист А. Михник вывел формулу “национализм — последняя стадия коммунизма”. Все эти факторы за прошедшие десятилетия достаточно глубоко проанализированы. Значительно меньше исследован субъективный фактор распада СССР.

Американский политолог В.Л. Хесли, анализируя конфликты XX в. в ряде многонациональных государств, пришел к выводу, что “только децентрализация власти может открыть возможность удовлетворения этнических требований в рамках существующей политической системы. Если люди почувствуют, что их нужды реализуются через имеющиеся федеративные структуры, исчезнут и политические основания и мотивации сепаратизма”³. Мощный потенциал единого хозяйственного комплекса СССР составляли входящие в него республики, каждая из которых вносила свой вклад в его повышение. В республики Прибалтики поставлялись автомобили, тракторы, экскаваторы, станки, дизели, трансформаторы, нефтепродукты, пиломатериалы, целлюлоза, шерсть, хлопок, а вывозились измерительные приборы, электротехника, радиоэлектроника, продукция оборонной промышленности, станки, двигатели, мебель, изделия легкой промышленности. Прибалтика поставляла в общесоюзный фонд мясопродук-

Симонян Ренальд Хикарович — доктор социологических наук, главный научный сотрудник Центра Североевропейских и Балтийских исследований МГИМО(У) МИД РФ.

Кочегарова Тамара Михайловна — ученый секретарь Российско-Балтийского центра Института социологии РАН.

¹ Bourdieu P. La Reproduction. Elements pour une theorie du système d'enseignement. Paris, 1970, p. 109.

² Лихачев Д. Совесть — гарантия свободы. — *Время жить вместе*, 2007, № 1, с. 3.

³ Хесли В.Л. Национализм и пути решения межэтнических противоречий. — *Политические исследования*, 1996, № 6, с. 47.

ты, рыбопродукты, молочные продукты, а получала зерновые, растительное масло, фрукты, виноградные вина. Масштаб внутреннего рынка – почти 300-миллионное население страны – обеспечивал возможности развития этого потенциала. Советские люди осознавали богатства своей страны.

Но эффективному использованию созидательного потенциала великой державы препятствовала жесткая, сверх централизованная бюрократическая система управления. Анекдотические примеры мелочного планирования и регламентирования переполняли страницы даже центральных партийных газет. Распоряжение министра мясной и молочной промышленности СССР – теперь это кажется совершенно невероятным, но было даже и такое министерство, да еще к тому же общесоюзное – “Об ассортименте сливок, производимых в Эстонии, и установлении нормативов содержания в них жиров”⁴.

В 80-х годах XX в. советская экономика вступила в период затяжного кризиса, а в 1983 г. впервые за послевоенный период рост ВВП остановился. Советская политическая и экономическая модель себя исчерпала, в стране назрели кардинальные перемены. Для выхода из системного общественного кризиса в условиях федеративного государства выход был абсолютно однозначен: децентрализовать управление, сделать управление не только отраслевым, но и территориальным, делегировать часть полномочий на места. Подобная попытка была предпринята еще в 60-х годах XX в., но была остановлена консервативной частью руководства СССР. Инициатор реформ премьер-министр А.Н. Косыгин в беседе с главой правительства Чехословакии Л. Штроугалом в 1971 г. подвел печальный итог: “Ничего не осталось. Все рухнуло. Все работы остановлены, а реформы попали в руки людей, которые их вообще не хотят”⁵.

Тем не менее проблемы, связанные с преобразованием социалистической экономики, внедрением рыночных отношений в хозяйственный механизм находились в сфере научных интересов советских экономистов. Постепенно в среде советских экономистов сформировалось целое направление либерально ориентированных специалистов, лидерами которых в 70–80-х годах XX в. были руководители Центрального экономико-математического института АН СССР – академики Н.П. Федоренко и С.С. Шаталин. Когда во второй половине 80-х годов XX в. в соцстранах Восточной Европы начались процессы демократизации, то и перед нашей страной открылись возможности совершить мощный рывок в общественном развитии, и, прежде всего, в экономике. При этом у нас были объективные преимущества перед другими странами, входящими в СЭВ.

Во-первых, огромный творческий и интеллектуальный потенциал великой страны. Советская система образования была одной из лучших в мире, а ее высокое качество даже сегодня, много лет спустя, никем в мире не оспаривается. Во-вторых, развитая производственно-техническая база. Из 40 макротехнологий, обеспечивающих в мировых экономических сетях производство наукоемкой продукции, наша страна к середине 80-х годов XX в. в 19 или занимала первые места (космическая и авиационная техника, атомная энергетика, энергетическое, химическое и транспортное машиностроение, тонкая химическая технология, металлургия сплавов, биохимия, некоторые виды судостроения, нефтегазовое оборудование, многие виды оружия), или входила в число лидеров. В-третьих, уникальные природные богатства – самая большая в мире зона черноземов и более 30% разведанных мировых запасов минералов и энергоресурсов. В-четвертых, не менее важный ресурс – энергетика населения, духовный подъем, охвативший практически всех жителей страны, жажда общества к радикальным переменам.

⁴ Этим государственным актом Москва запрещала Эстонии производить сливки жирностью свыше 25%, что лишало возможности готовить традиционные здесь взбитые сливки (для этого требовались 35%).

⁵ Андриянов В.Н. Косыгин. М., 2003, с. 191.

М.С. Горбачев был моложе других руководителей страны – Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, К.У. Черненко. Советские люди увидели в нем энергичного реформатора, способного вывести страну из экономического тупика. В Прибалтике актуальность кардинальных перемен осознавали острее, чем в других регионах страны, ибо на западных рубежах СССР существовало непосредственное соприкосновение с экономически высокоразвитыми и обладающими давними социал-демократическими традициями Северными странами Европы. На эту региональную особенность обратил внимание английский историк А. Браун. Он писал: «когда жители Прибалтики сравнивают свой уровень жизни с соседями, они заглядывают через забор Советского Союза не на соседствующие с республиками Кавказа и Средней Азии государства “третьего мира”, а на процветающих финнов и скандинавов, мысленно представляя себя на их месте»⁶. На фоне соседей, не располагающих столь мощным человеческим и природным капиталом, беды советской сверхцентрализации выглядели особенно контрастно, что придавало развитию демократических процессов в Прибалтике более высокую мотивацию и целенаправленность. Вера прагматичных прибалтов в успех перестройки была основана на реальной оценке потенциала, которыми располагал Союз.

Следует подчеркнуть, что, начиная с середины 60-х годов XX в., Прибалтика была в СССР идеальным и бесменным полигоном проведения целого ряда экономических экспериментов, опробования новых методов управления хозяйственным механизмом. В огромной многонациональной стране прибалтийские республики выполняли роль своеобразного “опытного производства”, а их руководство за 20 лет успешно освоило роль ответственных исполнителей социально-экономических инноваций.

Как показал прибалтийский опыт, использование даже фрагментарных методов повышения заинтересованности в результатах труда, и, прежде всего, внедрение хозяйственных начал в управление строительством, местной и пищевой промышленностью, сферой бытовых услуг дают реальный практический эффект. Это еще одна причина того, что жители прибалтийских республик были наиболее заинтересованными и последовательными сторонниками реформ. То, что для вывода страны из экономического тупика стоял “под парами” прибалтийский локомотив – было несомненным козырем, который инициаторы перестройки обязаны были умело использовать.

“Однако время шло, – писал о второй половине 80-х годов XX в. советник Горбачева А.С. Грачев, – а провозглашенные с трибуны съезда и обещанные обществу перемены все не происходили”⁷. Через три года перестройки реформы настолько назрели, что их отсутствие воспринималось активной частью населения как капитуляция, как отход назад. В равной мере это касалось и экономики, и государственного устройства. Время было истрачено на политические маневры и “красивые слова, демократические фразы, повисающие в воздухе в условиях углубляющегося товарного дефицита”⁸.

Человеческие качества руководителя страны сыграли в этот период решающую роль. Помощник Горбачева А.С. Черняев потом напишет в своих воспоминаниях о слепой вере генсека в силу призыва, слова. “С каждым годом Горбачев все больше и больше мечется, придавая особое значение словам: убеждает, стыдит, призывает, закликает, увещевает, агитирует, грозит – и все впустую. Все слова... слова... слова”⁹. К 1988 г. ситуация в стране все более указывала на провал перестройки, необходимость какого-то решительного шага была очевидной. Горбачев решил созвать Всесоюзную партийную конференцию, не созывавшуюся почти полвека. Низовые партийные организации, реально оценивающие нарастающий кризис, возлагали большие надежды на объявленное руководством страны мероприятие и развернули активную подготовку к нему, ибо были уверены, что это событие станет, наконец, началом кардинальных

⁶ Браун А. Радужные цвета перестройки. – Атмода, 1989, № 3, с. 27.

⁷ Грачев А. Горбачев. Человек, который хотел, как лучше... М., 2001, с. 154–155.

⁸ Согрин В.В. Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина. М., 2001, с. 58.

⁹ Черняев А.С. 1991 г. Дневники помощника президента. М., 1997, с. 57.

реформ. В периодике развернулась критика сталинских отклонений от ленинского курса национальной политики, активно проходила полемика по проблемам развития федерализма. На заводах и фабриках, в научных центрах, в многочисленных общественных организациях, возникших в последние годы, десятки тысяч рабочих, инженеров, ученых с энтузиазмом формировали предложения по реорганизации управления хозяйством и демократизации государственного устройства.

Концепции республиканского хозрасчета, предложенные прибалтийскими республиками отнюдь не были чем-то принципиально новым, они находились в русле теоретических разработок перехода от экстенсивной экономики к интенсивной, разрабатываемых советскими экономистами-рыночниками. Были использованы теоретические и практические заделы, накопленные разработчиками “косыгинских” реформ, и, прежде всего, их ведущего идеолога профессора Е.Г. Либермана. Во второй половине 80-х годов XX в. эта тематика стала одной из доминирующих в советской публицистике. Журнал “Экономические науки” в те дни писал: “Наши общие усилия – и Центра, и мест – должны быть направлены на слом косной, забюрократизированной системы. Тут нужны усилия республик, скоординированные совместные действия, ликвидация приоритетности принуждения, на обеспечение подлинного хозрасчета в деятельности предприятий и объединений”¹⁰.

28 июня 1988 г. в Москве открылась XIX партконференция, которая должна была сформулировать конкретные задачи по реформе политической системы и демократизации советского общества. Еще за пять месяцев до этого в выступлениях руководителей республиканских партийных организаций (В.И. Вяляса, Б.К. Пуго, Р.-Б.И. Сонгайло, С.Г. Арутюнян и др.) состоялась дискуссия о децентрализации управления экономикой страны. Главный вопрос, поднятый руководителями республик состоял в том, сможет ли центр предложить проект развития федеративных основ союза. Именно такой проект представила эстонская республиканская партийная организация в виде пакета обобщенных предложений, поступивших от трудовых коллективов республики. В подготовке этого документа тон задавали коллективы крупных предприятий всесоюзного значения, руководителями и значительной частью персонала которых, были, как правило, русскоязычные. По существу, этот проект являлся общей позицией коммунистов республики – производителей, интеллигенции, руководителей. И, что важно подчеркнуть, содержание этого конструктивного документа не имело никакой национальной окраски. Предложения, содержащиеся в нем, могли быть основой для обсуждения перехода к новой модели управления экономикой. Но проект был отвергнут, а раздел о региональном хозрасчете появился в резолюции только после настойчивых требований делегата конференции Б. Миронова, представляющего одно из крупнейших предприятий Эстонии – таллиннский завод им. М.И. Калинина. Горбачев не воспользовался трибуной конференции для решительного перехода к реформам. “Что вполне можно было сделать еще летом 1988 года, – отмечал З.А. Станкевич, – открыто объявив о предстоящей реформе Союза и обозначив ее пределы”¹¹.

Советские люди наблюдали, как планово-распределительная экономика все глубже и глубже входила в коматозное состояние. Но не только пассивно наблюдали, но и выдвигали инициативы, оформляя их в инициированные снизу общественные движения в поддержку реформ, что было характерно для этого периода. Руководители на местах понимали, что в центре происходит острая борьба сторонников перемен с консерваторами, и стремились со своей стороны оказать помощь инициаторам перестройки, тем более что Горбачев постоянно призывал к поддержке перестроечных процессов снизу. И отсюда шло мощное движение. Сила этих “низовых” инициатив, по справедливому мнению Ж.Т. Тощенко, была в том, что они шли не только от имени общественных, но и научных организаций: “Имеются в виду концепции экономического суверенитета,

¹⁰ Из архива “Экономических наук” (в связи с 20-летием распада СССР). – Российский экономический журнал, 2011, № 4, с. 14–15.

¹¹ Станкевич З.А. Крушение СССР. Политико-правовые аспекты. М., 2001, с. 35.

республиканского хозрасчета, выдвинутых в Эстонии и поддержанных в других прибалтийских республиках. К сожалению, эти предложения были категорически отвергнуты... В Москве прорабы перестройки слушали только самих себя”¹².

Один из руководителей ЦК КП Эстонии Х.М. Вайну писал: “Вряд ли республиканский хозрасчет обрел бы в Прибалтике такую остроту и популярность, если бы намеченная партией радикальная экономическая реформа проводилась в жизнь решительнее и быстрее. Союз в целом, похоже, еще не готов к этому”¹³. Показательно, что, когда в феврале 1989 г. журнал “Рабочий класс и современный мир” опубликовал на своих страницах материал в поддержку республиканского хозрасчета¹⁴, то это вызвало гневный окрик со Старой площади. Союзное руководство плохо воспринимало инициативы, не исходящие от самого себя, но никаких кардинальных реформ не осуществляло, несмотря на то, что с каждым днем экономическое положение в стране ухудшалось.

В то время как в соцстранах Восточной Европы широко обсуждались конкретные вопросы денационализации, приватизации, демонополизации, свободного рынка, руководство СССР застряло на обсуждении хозрасчета предприятий и регионов, т.е. тех вопросов, которые детально были рассмотрены еще во времена “косыгинской” реформы 60-х годов XX в. Многие советские экономисты считали, что уже в 1989 г. следовало переходить на акционерные общества, даже в рамках существующего законодательства. К началу 1989 г. в СССР насчитывалось уже около 200 совместных с иностранным капиталом предприятий. Преобразование же в акционерные общества части промышленных предприятий дало бы существенный социально-экономический эффект. Денежные накопления населения нашли бы практическое применение, а у людей возникло бы чувство хозяина, потому что работники стали бы непосредственными владельцами предприятий.

Группой авторитетных либеральных экономистов (С.С. Шаталин, Г.А. Явлинский, В.И. Селюнин, Н.Я. Петраков, О.Т. Богомолов и др.) по заказу президента СССР была подготовлена программа неотложных мер “500 дней”. Эта глубоко продуманная программа, поддержанная многими учеными, представителями общественных движений, руководителями предприятий, зарубежными экспертами, всколыхнула надежды страны. 11 сентября 1990 г. программа “500 дней” была принята Верховным Советом РСФСР. О ней Горбачев с воодушевлением говорил своим западным друзьям – лидерам США и ведущих европейских государств. В соответствии с этой программой предполагалось нейтрализовать рублевый навес, стабилизировать рубль, освободить цены и поставить страну на рельсы рыночной экономики. Ядром программы была приватизация: поскольку у государства была вся собственность, а у народа – деньги, предусматривался обмен одного на другое. Причем приватизация должна была начинаться с незначительных активов – квартиры, земельные участки, магазины, предприятия общественного питания и бытового обслуживания и т.п. с постепенным переходом к промышленным предприятиям, т.е. точно так же, как это происходило в Чехословакии, Польше, Венгрии. М.С. Горбачев, энергично поддержавший программу и широко оповестивший общественность, проявил слабость и отступил под напором союзного военно-промышленного лобби, которое в ней увидело угрозу своим интересам¹⁵. «Шансы на сохранение реформированного Союза были значительными в 1989 году, когда на I съезде народных депутатов СССР с таким предложением выступили литовцы – констатировал О.Р. Лацис. – Некоторые шансы сохранялись даже осенью 1990 года, когда программа “500 дней” давала реальную надежду всем сообща выйти

¹² Тощенко Ж.Т. Этнократия: история и современность (социологические очерки). М., 2003. с. 17–18.

¹³ Вайну Х.М. Эстония: узел межнациональных противоречий. Таллинн, 1990, с. 39.

¹⁴ Пирогов Г.Г. Структурный кризис и структурно-технологическая перестройка в зоне развитого капитализма. – Рабочий класс и современный мир, 1989, № 2.

¹⁵ Собчак А.А. Хождение во власть. Рассказ о рождении парламента. М., 1991, с. 267.

из экономического кризиса по пути рыночных реформ, используя, прежде всего, ресурсы России. Неожиданный и необъясненный отказ Горбачева от этой программы, подготовленной по его же указанию и им предварительно поддержанной, подтолкнул республики к попыткам искать выход самостоятельно»¹⁶.

Руководители прибалтийских республик предоставили еще один шанс центру сохранить общее государство. По их инициативе в Верховном Совете СССР в декабре 1988 г. была создана комиссия по распределению прав и полномочий между центром и республиками, куда вошли помимо депутатов Верховного Совета ученые юристы, экономисты, и социологи. На заседаниях этой комиссии в основном речь шла о необходимости подписания нового Союзного договора, где должны быть четко зафиксированы эти разграничения. Конечно же, эта инициатива должна была принадлежать союзному руководству.

Подписание нового Союзного договора, на чем настаивали тогда республики Прибалтики, позволило бы не только перейти к осуществлению назревших политических и экономических реформ, но и сохранить единое государство¹⁷. Подписание такого документа означало ту самую необходимую дозу децентрализации власти, которая дает возможность удовлетворения этнических требований в рамках существующей политической системы. Это – известный рецепт классической политологии.

Отказ же от заключения договора резко обострил социальную ситуацию в прибалтийских республиках, усилил позиции националистических политиков и экстремистов, и в итоге спровоцировал взрыв сепаратистских устремлений. Отказ от договора, по существу, перечеркнул возможность компромисса между центром и республиками, что во многом и предопределило судьбу СССР.

В апреле 1989 г., когда проект договора еще обсуждался, один из руководителей Народного фронта Эстонии Р. Вейдеманн так определял задачи этого общественного объединения: “Все вместе это можно назвать строительством новой Эстонии, в которой социализм обретет утерянную суть, станет поистине гуманным строем. Принцип нашего движения прост и естествен: свободное развитие эстонцев на их исконной родине – залог свободного развития и всех жителей Эстонии, так же как свободное развитие Эстонии и других союзных республик – залог свободного развития всего Советского Союза”¹⁸.

Можно привести много аргументов подтверждающих, что в первой половине 1989 г. в Прибалтике как государственные, так и общественные деятели не ставили вопрос о независимости. Это признают и западные эксперты. Описывая события накануне распада СССР, американский советолог Р. Гартхофф, встречавшийся почти со всеми видными как центральными, так и республиканскими деятелями перестроечных лет и весьма симпатизирующий Горбачеву, подчеркивал, что “только очень малая часть политиков даже в Балтийских республиках призывала к такой независимости. И вопрос о компромиссных решениях был все еще открыт”¹⁹.

То, что они не ставили вопрос о независимости, говорил о позиции прибалтийского истеблишмента К.Н. Брутенц, “было не только тактическим приемом, но отвечало уровню национального самосознания там: привычка и плюсы жить в великой державе еще перевешивала”²⁰. Общественность прибалтийских республик в этот момент еще надеялась, что их разумные предложения по реформации советского федерализма и экономики заинтересуют центр. При этом необходимо подчеркнуть, что в общественном сознании советских людей, в том числе и народов Балтии, в то время гос-

¹⁶ Лацис О. Тщательно спланированное самоубийство. М., 2001, с. 392–393.

¹⁷ Спорная в сознании прибалтов легитимность вхождения прибалтийских республик в состав СССР была важнейшим эмоциональным моментом, что должно было понимать союзное руководство. Подписание нового союзного договора сняло бы эту болезненную проблему.

¹⁸ Вейдеманн Р. Эстонский прецедент. – Апрель, вып. I. М., 1989, с. 217–218.

¹⁹ Garthoff R.L. The Great Transition. – Brookings Institute. Washington, 1993, p. 395.

²⁰ Брутенц К.Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М., 2005, с. 396.

подставала убежденность в политической мощи СССР, в несокрушимости великого государства. В массовом сознании балтийских народов, а тем более, национал-радикальных политиков, всегда присутствовала мечта о национальной независимости, но они понимали, что это было слишком далеко от реальности. Подобные романтические национальные чаяния – распространенное явление у малочисленных народов. Практические очертания мечты прибалтийских народов начали вырисовываться лишь через год, к концу 1989 г., когда стали уж совсем очевидными многочисленные и стратегические, и тактические, и оперативные провалы советского руководства в проведении как внешней, так и внутренней политики. А. Браун в книге “Фактор Горбачева”, подробно описывая “зигзаги” президента СССР в 1990–1991 гг., констатировал, что “события тех лет значительно опередили его: если с 1985 по 1988 г. он находился в авангарде политических перемен, то в 1989–1991 гг. оказался в арьергарде”²¹.

Призрачные надежды обрели реальные перспективы, когда в полной мере обнажилась его полная некомпетентность, постоянное и катастрофическое отставание от развивающихся процессов, что впоследствии вынужден будет признать и сам глава советского государства. При этом центр своими действиями всячески углублял этот разрыв. В августе 1989 г. в центральных газетах было опубликовано Заявление ЦК КПСС “О положении в республиках Советской Прибалтики”, выдержанное в стиле и фразеологии времен застоя. Негативные оценки были выданы всем политическим силам Прибалтики скопом, без различия: и правительствам, и партийному руководству трех республик, и лидерам народных движений, и общественным организациям самого различного толка²². Этот документ, подготовленный в Москве без какого-либо согласования с республиканскими партийными руководителями, воспринятый демократической частью советского общества как рецидив сталинизма, вызвал реакцию общего возмущения в Прибалтике.

В мемуарах М.С. Горбачев отметил, что это постановление “привело к результатам, противоположным задуманному”, и привел слова В. Вяляса, первого секретаря ЦК КП Эстонии, который в телефонном разговоре заявил, что эстонцы весьма болезненно восприняли тональность документа, многие в знак протеста стали сдавать партбилеты. “В Эстонии, – сказал он, – за исключением экстремистов никогда не ставился вопрос о выходе из Союза”²³. Этот неудачный и по содержанию, и по форме, а главное, по времени, выпад центра против республик привел в замешательство не только руководителей прибалтийских республик, но и русское население в Прибалтике, которое в этой ситуации почувствовало себя мишенью в легко просчитываемой реакции титульного населения на этот документ. Содержание его выглядело особенно неуместным на фоне результатов репрезентативного социологического опроса, который провел ВЦИОМ по всесоюзной выборке в августе 1989 г. Специальное исследование по национальным отношениям, в ходе которого 2084 респондентов ответили на несколько десятков вопросов, было приурочено к Пленуму ЦК КПСС по национальным вопросам (август–сентябрь 1989 г.), и дало богатый информативно-аналитический материал. Ответы респондентов только на один из вопросов анкеты дают достаточно ясное представление о сложившейся в стране ситуации: “Что угрожает добрым отношениям между народами?” Даже среди русскоязычного населения Прибалтики большинство – 54,5% связывало главную опасность складывающейся ситуации с поведением центра²⁴.

Подробный анализ итогов исследования, проведенного ВЦИОМ, был оперативно передан в ЦК, но, к сожалению, не вызвал какого-либо интереса у руководства страной. Объективная социологическая информация о реальном положении в стране там не воспринималась. “Насколько Горбачев и высший партийный актив были теорети-

²¹ *Brown A.* The Gorbachev Factor. Oxford, 1996, p. 277.

²² Правда, 27.VIII.1989.

²³ *Горбачев М.С.* Жизнь и реформы, кн. 1–2. М., 1995, кн. 1, с. 517.

²⁴ Есть мнение. Итоги социологического опроса. М., 1990, с. 182.

чески слепы и оторваны от реальности, — свидетельствовал журналист Л.А. Оников, — показало впервые проведенное в ЦК КПСС в июле 1989 г. совещание первых секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии”²⁵. Пленум провели в сентябре 1989 г., “но принятые им решения уже мало кого интересовали и, главное, почти ни на что не могли повлиять, — писал Грачев. — И хотя формально вопрос о новом союзном договоре на Пленуме был поставлен, только следующей весной Горбачев заговорил о необходимости ускорить его разработку, чтобы “нейтрализовать желание республик уходить из СССР”²⁶. Очень точно подметил существо политического стиля Горбачева публицист К.А. Любарский: “Более всего сил положил Горбачев на сохранение Центра. Каждый раз он вынужден был уступать, но только тогда, когда было уже поздно и уступка не имела значения”²⁷.

Часть вины за плохую осведомленность М.С. Горбачева о происходящих в стране событиях, А.Н. Яковлев возлагает на КГБ: “Президенту СССР настойчиво внушалось, что если заключить экономический союз, то республики откажутся от политического. Особенно коварна в этом плане была позиция Комитета госбезопасности и лично его председателя В. Крючкова, который втерся в доверие к Президенту, провокационно манипулировал информационной ложью”²⁸. Возможно, Крючков как послушный и аккуратный чиновник, учитывая амбициозный характер Горбачева, приносил именно ту информацию, которую тот ожидал от него получить.

Но если центр в ходе перестройки был далек от происходящих на национальных окраинах процессов и воспринимал их через стереотипы административно-командного мировоззрения, то партийные руководители республик Прибалтики более реально оценивали происходящее. Но при этом находились в очень деликатной политической ситуации. Они прекрасно понимали, что политически обречены, если не сумеют подтвердить свою этническую идентичность. В то же время возникшие общественные демократические движения давали им дополнительные возможности нейтрализовать консерваторов внутри самой партии, что значительно укрепило бы ее общественный статус. “Я — сторонник того, чтобы Прибалтийские республики развивались в дальнейшем в составе СССР в условиях перестройки и неоднократно в этом духе выступал в республиканской прессе, — писал в начале 1990 г. член ЦК КП Эстонии Х.М. Вайну, — но мешают местные экстремисты и в еще большей мере центральные органы и центральная пресса”²⁹.

Среди партийного руководства республик Прибалтики доминировали люди, прежде всего, первые секретари ЦК — А.М. Бразаускас, А.П. Рубикс, В.И. Вяяс, обладающие широким кругозором и отлично понимающие, что с приходом к власти экстремистов они будут, как минимум, выброшены из политической жизни. Помимо других факторов это определяло их умеренную позицию и активное стремление разрешить общественный кризис договорным путем. Точно так же действовали и многие лидеры народных фронтов (Я. Петерс, В.А. Пальм, В. Медведев, Э.В. Бичаускас) этих республик, уговаривая руководителей союза подписать новый договор, чтобы избежать непредсказуемых процессов.

Компартиям республик Прибалтики в этой ситуации между молотом и наковальней удавалось до самого конца 1989 г. удерживать политическое лидерство в своих странах. По известному выражению классика, они и не отрывались от масс, и находились в авангарде перемен. Особенно это характерно для Коммунистической партии Эстонии, которая в ноябре 1988 г. инициировала идею нового союзного договора.

Перед партийным руководством республик Прибалтики стоял довольно простой политический выбор: или стать во главе событий, не упускать инициативу или проиг-

²⁵ Оников Л.А. КПСС: анатомия распада. М, 1996, с. 84.

²⁶ Грачев А. Указ. соч., с. 280.

²⁷ Новое время, 1993, № 21, с. 4.

²⁸ Яковлев А.Н. Горькая чаша: большевизм и реформация России. Ярославль, 1994, с. 233.

²⁹ Вайну Х.М. Указ. соч., с. 111.

рать радикалам. Специфическая роль компартий республик Прибалтики в тот период состояла в том, чтобы, объединяя в своих рядах весьма противоречивые по интересам национальные и социальные группы населения, сохранить себя в качестве той политической силы, которая могла успешно отстаивать общие интересы населения республик в диалоге с центральной властью. Но М.С. Горбачев не способен был понять значение этой специфики. «В этом отношении, — отмечал заместитель заведующего международным отделом ЦК КПСС, а затем и советник Горбачева К.Н. Брутенц, — характерным было обсуждение в ЦК предстоящего съезда эстонских коммунистов. Эстонцы молили: сделайте какую-нибудь уступку нам, хотя бы шаг навстречу, чтобы мы могли показать, что с нами считаются, что мы хозяева положения. А Горбачев все повторял в приказном тоне, только что не стуча кулаком по столу: “Нет, мы должны пересилить настроение”»³⁰.

На Пленуме ЦК КПСС в сентябре 1989 г. партийные руководители Прибалтики предупреждали, что без равноправного союза республик создание демократического социалистического государства будет поставлено под вопрос. Спустя шесть лет Горбачев согласился с этим в своих воспоминаниях в разделе “Прибалтика и другие. Запоздалые разьяснения”: «Но ведь и с оппозицией надо взаимодействовать. Однако тянули с этим в расчете: может быть, сгинут, исчезнут как дурной сон?.. Партия проморгала этот начальный этап... наши не всегда удачные шаги и хроническое запаздывание осложняли обстановку..., но не даром в народе говорят: “Дорого яичко ко Христову дню”. При всей ценности принятых на Пленуме решений, они сильно запоздали. Это была расплата за старые подходы, увлечения коллегиальностью, по большей части мнимой. Подготовку затянули, потеряли драгоценное время»³¹.

Есть и еще одна причина того, что в стране во второй половине 1989 г. стали быстро развиваться сепаратистские тенденции. К этому моменту произошла окончательная десакрализация центра, его образ для населения СССР открылся в конкретном, чувственном представлении. “Каждое общество, рассматриваемое под макросоциологическим углом зрения, может быть представлено как центр и периферия, — отмечал Э. Шиллз. — Центр состоит из тех институтов (и ролей), которые осуществляют власть, будь то власть экономическая, политическая, военная или культурная... Центр не только заставляет повиноваться, но и завладевает вниманием. Он обладает властью притягивать умы, которая захватывает воображение и зачастую приковывает к себе все мысли людей”³². С другой стороны известно, что власть — это не то, что она о себе говорит, власть — это то, что она о себе скрывает. Возможность, предоставленная гласностью — увидеть центр таким, каким он был на самом деле, эффект общественного разочарования, который к середине 1989 г. ощущался уже повсеместно, и особенно в республиках Прибалтики, оказался для него крайне опасным, если не губительным. Характеризуя деятельность президента СССР, один из руководителей ВЦИОМа Л.Д. Гудков отмечает, что “финальные моменты существования СССР окрасились в тона политического бессилия, растерянности, обидой, неопределенностью перед будущим и собственной недееспособностью”³³.

Возможно, существуют более глубокие причины не сложившегося делового сотрудничества между лидерами центра и республик Прибалтики, коренящиеся в той самой “особенности” положения их в составе союза. Да и фигуры руководителей центра слабо смотрелись в этом регионе. Их посещения Прибалтики, вроде скандального визита в Латвию в 1959 г. Н.С. Хрущева, завершившегося полным разгромом ее партийного и государственного руководства и приходом к власти крайне непопуляр-

³⁰ Брутенц К.Н. Указ. соч., с. 394.

³¹ Горбачев М.С. Жизнь и реформы, кн. 1, с. 513–518.

³² Shills E. Center and periphery: essays in macrosociology. Chicago, 1975, p. 31.

³³ Гудков Л.Д. Русское национальное самосознание и его динамика (1989–1995). — Социологические чтения. Вып. 1. Сборник материалов международного семинара “Современные социологические теории и подходы. Диалог между Россией и Западом”. М., 1995, с. 34.

ного у латышей А.Я. Пельше, который к тому же слабо владел латышским языком, лишь усиливали чувство взаимного недоверия и подозрительности между Москвой и прибалтийскими народами. Более осторожный Л.И. Брежнев так и не нашел времени посетить Прибалтику за 18 лет своего правления. И Горбачев своей поездкой в феврале 1987 г. в Латвию и Эстонию не только не переломил, но еще больше усилил эту роковую тенденцию. Такое впечатление, что ни он сам, ни те, кто готовил этот визит, не удосужились хотя бы немного вникнуть в специфику этого региона. Руководитель страны, попросту говоря, не понимал, куда он приехал. В Риге Горбачев чересчур пространно рассуждал о пользе демократизации и гласности, переходе к социализму “с человеческим лицом”. В Таллине допустил грубейший тактический просчет, достаточно бесцеремонно одернув эстонцев в их претензиях на роль “пионеров перестройки”. Выставив себя в неблагоприятном (так как эти претензии были справедливы) и неблагородном свете (эстонцы как представители малочисленного этноса этим очень гордились и, педалируя перестроечную тематику, хотели тем самым доставить удовольствие высокому гостю), Горбачев в этом эпизоде проявил мелкое тщеславие (ведь он сам был “пионером перестройки”!) и бестактность. Затем он совершил еще более грубую ошибку, позволив себя втянуть в популистски проигрышную и политически опасную дискуссию о том, “кто кого кормит”. К этому следует добавить его неверную оценку своего визита в Прибалтику. Горбачев совершенно неадекватно воспринял дух и атмосферу своего краткого общения с политической элитой и населением Прибалтики. Так, свойственную прибалтам настороженность и природную сдержанность он принял за пассивность “в овладении идеями перестройки”. По свидетельству Черняева, на состоявшемся после поездки заседании Политбюро ЦК КПСС, Горбачев сетовал на то, что “идея перестройки, ее энтузиазм туда не дошли, не затронули даже партийных функционеров”. Наряду с этим он проявил недопустимые для руководителя такого ранга благодушие и беспечность в характеристике состояния дел в Прибалтике. Вернувшись в Москву, он сделал на Политбюро следующее заключение: “Политическая обстановка в республике хорошая. Народ ощущает себя как дома в нашей огромной, своей для всех стране”³⁴.

“Перестройка мало что сделала по организации и сплочению своей социальной базы, — заключал Яковлев. — Более того, когда такие силы стали появляться самопроизвольно, они были встречены с недоверием, недовольством, как разрушители предначертанной сверху стратегии”³⁵. Вместо того, чтобы использовать авторитет и интеллектуальный потенциал партийных руководителей республик Прибалтики, центр своими неумелыми заявлениями и действиями не только создавал им препятствия в борьбе с национал-радикалами, но, по существу, постоянно дискредитировал их в глазах населения, создавая водораздел между руководителями и населением. Складывалось впечатление, что какое-либо отклонение руководителей республик Прибалтики от унифицированного поведения в коридорах власти (а в той ситуации это было неизбежно) Горбачев воспринимал как вызов себе лично. К.Н. Брутенц справедливо замечал, что он “испортил отношения со многими руководителями республик порой только из-за старомодной авторитарной манеры общения”, завышенной самооценки³⁶. Именно этим во многом можно объяснить самодовольное и неуважительное отношение к оппонентам. Так, весной 1990 г. на предложение В.В. Бакатина провести круглый стол со всеми заинтересованными в реформах он реагировал самоуверенно: “Не с кем нам садиться и незачем. Они никого и ничего не представляют”³⁷. Неадекватность восприятия событий, происходящих в Прибалтике, президентом СССР создавала постоянные трудности республиканским руководителям. Союзное руководство как будто специально задавалось целью мешать им удерживать власть, его действия и риторика

³⁴ Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. М., 1993, с. 143.

³⁵ Яковлев А.Н. Указ. соч., с. 159.

³⁶ Брутенц К.Н. Указ. соч., с. 391.

³⁷ Черняев А.С. Указ. соч., с. 336.

только помогали их оппонентам. Отражением этой тенденции стало усиливавшиеся в титульных масс-медиа нападки экстремистов на руководителей республик, т.е. на тех, кто, по их мнению, “потерял связь с народом”. Непопулярный из-за своего высокомерия и нетерпимости не только среди населения, но и среди многих своих коллег-радикалов В. Ландсбергис во многом обязан центру тем, что уже к началу 1990 г. он по своему влиянию на массы обошел А. Бразаускаса. К власти в Литве фактически пришел “Саюдис”, который на выборах в Верховный Совет Литовской ССР в марте 1990 г. получил решающее большинство. А ночью 11 марта депутаты приняли акт о выходе Литвы из состава СССР. Разумеется, в тот момент во многом это был демонстративный жест, содержащий элементы политического зондажа. В своих воспоминаниях Горбачев писал, что уже 4 мая 1990 г. литовские руководители выразили готовность начать переговоры с центром, а Декларация независимости Литвы могла, по их мнению, рассматриваться союзом как акт в значительной степени символический. Было подчеркнуто, что Литва не будет возражать против интерпретации этого акта, согласно которой речь идет о статусе республики как “ассоциированного члена обновленного Союза ССР”³⁸. То есть литовское руководство намеревалось этим актом как минимум выторговать и закрепить для себя определенные политические и хозяйственные преимущества, если фактический выход из СССР не получится. Среди литовской политической элиты в тот период не было полной уверенности в том, что так просто и так благополучно для них обернется политический демарш. Да и западные политики (мнение которых всегда было исключительно важным для Ландсбергиса) убеждали его договориться с центром. Некоторые депутаты Верховного Совета Литовской ССР рассчитывали, что только таким способом они смогут подтолкнуть руководство союза к проведению кардинальных социально-экономических реформ. Но реакция центра, как и следовало ожидать, оказалась гораздо менее продуктивной: 16 апреля была введена экономическая блокада Литвы, были приостановлены поставки нефти и бензина, резко уменьшены поставки природного газа. Были запрещены поставки и многих других товаров, таких, например, как кофе и сахар. Но это только сплотило литовское общество. “Те, кто сразу после принятия декларации критично относились к Ландсбергису, стали его решительными сторонниками, – свидетельствует А. Ливен, – и демонстрации вернулись к своим прежним, до провозглашения независимости, масштабам”³⁹. Тогда же газета Народного фронта Эстонии “Тартуский курьер”, оценивая это событие, писала: “Был ли путь отделения от СССР единственно возможным путем развития событий и был ли основным виновником движения по такому пути прибалтийский радикализм? Думается, что нет. Важную роль здесь сыграл устойчивый консерватизм центральной бюрократии и ряд других ориентирующихся на нее сил. Именно эти силы по существу и потопили ту самую идею “обновленной” федерации, за которую они сегодня выступают”⁴⁰. Через несколько лет еще более жестко высказался А.Н. Яковлев: “В результате оказалась утраченной возможность использовать важнейшее преимущество при переходе к рынку – огромные размеры рынка в рамках Союза. Такая возможность существовала, на мой взгляд, где-то до середины 1989 года и могла быть использована в случае проведения Центром дальновидной и радикальной политики как собственноручно в экономике, так и в обновлении федерации на добровольной основе. Того и другого не произошло”⁴¹. Да и сам М.С. Горбачев признавал это. Так, рассказывая на заседании Политбюро ЦК КПСС 9 ноября 1989 г. о своей недавней встрече с представителями Эстонии и Латвии, он почти сочувственно заключил: «В связи с ухудшением экономического положения в стране у прибалтов появился новый мотив: “Мы не хотим погибнуть в общем хаосе”. У них ощущение, что деваться некуда, надо выходить из СССР.

³⁸ Горбачев М.С. Жизнь и реформы, кн. 2, с. 524.

³⁹ Lieven A. The Baltic Revolution. Estonia, Latvia, Lithuania and the Path to Independence. London, 1993, p. 239.

⁴⁰ Тартуский курьер, 1990, № 2(9), с. 6.

⁴¹ Яковлев А.Н. Указ. соч., с. 250–251.

Потому что Центр не готов дать самостоятельность, а следовательно, и настоящий хозрасчет»⁴². Итогом шестилетнего руководства Горбачева явилось то, что к началу 1990 г. в стране были созданы объективные предпосылки для возникновения вынужденного экономического сепаратизма, как средства избежать полного коллапса.

Только спустя два с половиной года М.С. Горбачев осознал, наконец, свою ошибку и попытался ее исправить, выразив горячее желание подписать новый Союзный договор, но было уже слишком поздно. В стране к тому времени кардинально изменилась обстановка, в общественном сознании произошли необратимые качественные перемены, и, кроме того, уже успела оформиться и созреть новая, активная социальная верхушка, агрессивно претендующая на власть. Более молодая и более энергичная партийная номенклатура (когорта “вторых секретарей”), организационное оформление которой как новой политической силы окончательно произошло осенью 1989 г., взяла на себя выигрышную в тот момент роль инициатора национальной российской государственности во главе с популярным лидером – Б.Н. Ельциным, который возглавил борьбу с центральной властью⁴³.

Противостояние Горбачев–Ельцин спровоцировало события августа 1991 г. После того как в декабре 1991 г. М.С. Горбачев сложил функции президента, газета “Нью-Йорк таймс” опубликовала статью своего политического обозревателя Дж. Шелла “Важнейший вопрос столетия”. Она начиналась следующими словами: “Распад Советского Союза загадал загадку людям, мыслящим и любящим обсуждать происходящие события. Это было самым важным событием второй половины XX века, однако почти никто его не предсказывал”⁴⁴. Первый премьер-министр постсоциалистической Польши Л. Бальцерович признавал: «Скажу честно: несмотря на весь богатый опыт, приобретенный за истекший период, я до сих пор не могу однозначно сказать, почему “социалистический лагерь” рухнул так быстро. Крушение советского блока, безусловно, результат стечения обстоятельств. И все же одним из ключевых является фактор личности, роль которой, кстати, всегда недооценивалась марксистами»⁴⁵.

Процесс распада СССР – историческая драма, произошедшая четверть века назад, еще долго будет оказывать воздействие не только на постсоветское пространство, но и на всю мировую систему. Анализ всех составляющих, вызвавших и определивших результат этого процесса должен включать не только объективные, но и субъективные факторы.

⁴² Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. М., 1995, с. 75.

⁴³ Согрин В.В. Указ. соч., с. 83.

⁴⁴ Цит. по: Оников Л.А. Указ. соч., с. 13–14.

⁴⁵ Бальцерович Л. Реформы нельзя закончить. – Россия в глобальной политике, 2005, № 3, с. 65–66.